

ISSN 0208 — 1121

Терек Терек

С В Е Т   В   С Т Е П И

элиста

1988

РЕШЕНИЯ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС — В ЖИЗНЬ!

11 июля открытое партийное собрание Союза писателей Калмыцкой АССР обсудило итоги работы за два с половиной года пятилетки и задачи литераторов республики в свете решений XIX Всесоюзной партийной конференции. На собрании выступили председатель правления Союза писателей КАССР Д. Н. Кугультинов, народные поэты Калмыкии А. П. Сусеев, К. Э. Эрендженов, заведующий отделом журнала «Теггин герл» («Свет в степи») Л. О. Ниджиев и другие.

Публикуем с некоторыми сокращениями стенограмму выступления председателя правления Союза писателей КАССР Д. Н. Кугультинова.

ПРАВДУ, ТОЛЬКО ПРАВДУ!..

Решения XIX Всесоюзной партийной конференции направлены на то, чтобы каждый обрел себя, ощутил как человека, обладающего равными правами со всеми, — все мы равны и права у всех одинаковы, хотя трудимся на разных должностях, а кто-то и на пенсию вышел... Одинаковость, равенство прав подкрепляются демократическими установками XIX партийной конференции, гласностью.

В чем роль и значение партийной конференции? На ней поставлен вопрос о совести, о нравственности. До тех пор, пока мы не извлечем уроки из прошлого, мы ничего не сделаем. Ничего!

Здесь очень правильно сравнивали XIX партийную конференцию с XX съездом партии. Она, на мой взгляд, является как бы продолжением того съезда, который отсек великую ложь, все то страшное, что владело нами, господствовало до XX съезда партии, когда запросто сажали в тюрьмы людей — в том числе и посмеявших сказать, как плохо живется ссыльным калмыкам и что калмыки вымирают. Тогда надо было врать, что калмыки довольны ссылкой, надо было врать, что они живут хорошо. А ведь условия были хуже рабских, гораздо хуже, чем у колхозников, про которых выступавшие с трибуны XIX партийной конференции говорили: они находились на положении крепостных. И доказывали это: крестьянин не мог уехать никуда — у него не было паспорта, работал он почти бесплатно, за грошовые трудовые, и должен был кричать, мол, лучше меня никто не живет! А если бы сказал — «плохо живу», то сразу получил бы до десяти лет тюрьмы, лагерей.

Конечно, находились люди, которые все же говорили так, на них писали, их сажали. Помните, как у Шолохова: деревенских жителей прозвали «карантинниками», один напишет — посадят того, тот напишет — этого посадят.

Были мастера сажания! Да и писатели были мастера сажать... В одном из номеров «Огонька» называется имя писателя, который говорил, что, несмотря на слабое здоровье, он разоблачил и посадил 26 врагов народа. Это Сийфи Кудач, народный поэт Башкирии. Жив. Ходит по земле, юбилей собирает праздновать!

Да, мы жили в такой обстановке, что сейчас стыдно вспомнить. Вы обратили внимание на слова М. С. Горбачева в докладе на конференции о том, что мы были на грани политического и экономического кризиса? На грани! Мы привыкли врать — на каждом собрании вытаскивали свою бумажку и кричали: «Победы! Победы!» А пора, пора нам учиться и говорить, и поступать по совести!

Надо стыдиться таких дел, какие творились с Номто Очировым. Девятнадцать пять лет он отсидел в тюрьмах, в лагерях — человек, прощенный самим Лениным! Когда Номто Очиров в 1919 году пришел в Астрахань и его арестовали, три человека — начальник губчека Черкасский, Маслов Алексей Григорьевич и Амур-Санги послали телеграмму Ленину: «Что делать? По вшей амнистии придет Номто Очиров». На второй день Ленин ответил сердитой телеграммой, чтобы немедленно того освободили и использовали на советской работе. Так судьбой калмыцкого интеллигента дважды — дважды! — занимался сам Ленин.

Но то, что делал Ленин, не нравилось Сталину. Сталинская политика после смерти Ленина стала господствовать в нашей стране и сделала ее в отношении сажания и уничтожения людей страной страшной. Сталинская политика возннчила огромное количество доносчиков, предателей, которые писали доносы, сажали и никогда не стыдились этой своей «деятельности».

Замечательно, что принято решение воздвигнуть памятник жертвам культа личности Сталина в Москве. Я бы добавил: такой памятник надо воздвигнуть и в Элисте в память о калмыках, погибших во время ссылки,— стариках, детях, старухах, инвалидах. Они погибли униженными, оскорбленными. Погибли под гнетом таких фашистских элементов, каким был Берия. Я думаю, мы впишем предложение о строительстве памятника в постановление нашего партийного собрания, и пусть это будет началом движения за его создание, пусть по всей республике начнется сбор средств на памятник жертвам культа личности и ссылки.

Ради чего решено возвести памятник в Москве? На конференции прямо сказано: чтобы прошлое не повторилось никогда. И мы хотим, чтобы трагедия переселения не повторилась никогда! Пусть же и у нас, в Элисте, будет свой памятник!

Одно из ключевых сталинских положений провозглашало нарастание, ожесточение классовой борьбы. Осуществление сталинской теории на практике привело к уничтожению миллионов людей. Искусственно был организован голод в 33-м году: подчис-тую выбирали и продавали за границу хлеб. А коллективизация — как она просодилась?! Были подорваны сами корни крестьянства. Поразительно: в 1935 году крупного рогатого скота, лошадей, овец в стране было меньше, чем до революции! Был пущен под откос ленинский план кооперации, а антиленинский, троцкистский — принят! Сталин только на словах воевал с Троцким, на деле же провел его план уничтожения крестьянства в жизнь.

Можно ли, не стыдно ли, зная все это, сегодня вновь руководствоваться сталинскими воззрениями? А между тем одна из современных статей о Номто Очинове так и называлась: «С классовых позиций». Бесчеловечно с классовых позиций клеймить человека, который двадцать пять лет просидел в тюрьме за то, чего не совершал, но который сохранил нам наш «Джангар», записав у Ээлян Овла десять глав эпоса. И ведь мы не могли, лишены были возможности упомянуть в печати само имя Номто Очинова, а сейчас, когда оно открыто для народа, деятельность этого калмыцкого интеллигента вдруг опять пытаются осмыслить «с классовых позиций», с позиций Сталина!

Я вспоминаю: Эренжен Агильджанович Сангаев, ныне покойный, рассказывал мне, как участвовал в раскулачивании. Он был умный и совестливый человек, у него хватало совести стыдиться, а не хватать — я-де раскулачивал такого-то... Так вот, говорит он, пришли мы, дурачки, два человека с винтовками, раскулачивать Эрдинева Джюга Зээснг. Он не сопротивлялся. А мой напарник, рассказывает Сангаев, все толкал его прикладом, когда вели в тюрьму: поиздеваться надо было... Потом годы прошли, сослали калмыков. У Сангаева шестеро детей — мал-мала меньше. В рваной фуфайке, голодный, еду, говорит, в Сибирь. Вдруг смотрю: похожий на калмыка, но хорошо одетый мужчина с маленьким мальчиком заходит в вагон, садится, хлеб вытаскивает, сало... Посматривает на меня и спрашивает:

— Слушай, ты кто? Не калмык случайно?

Я говорю:

— Да, я — калмык.

— А откуда? Кенэхнэвч?

— Оттуда-то.

— Чей ты?

— Агильджанович, Эренжен, Сангаев.

— О-о, так ты, оказывается, совсем наш! А я тебя помню,— сказал он,— помню.

И когда он сказал: «Я помню»,— мне, вспоминал Сангаев,— так стыдно стало, будто я горю. А он мне:

— Ты не стесняйся, не стесняйся. Это не ты, это время делало. Это не вы меня толкали, это время толкало. Было такое время. Ну, что же поделаешь...

Сангаев сказал, что у него шестеро детей. Тогда Эрдинев говорит: «Ты понимаешь, я же не знал, что встречусь с тобой. Я везу два мешка картошки дальним родственникам, вот и возьми один мешок, раз у тебя столько детей». И отдал мешок картошки, уж не говоря о том, что накормил хлебом, салом...

Вот это человек! И я подумал: а что, если бы я оказался на месте Эрдинева? Не говорю, что не поступил бы так же, не могу этого сказать. Но и не ручаюсь, что

поступил бы, как он. А может быть, черт его знает, что-то выиграло бы: «А, сволочь, — сказал бы, — подыхай!» Может быть... Во всяком случае, как-то однажды я не поступил так, как Эрдинев.

Когда меня сажали в Бийске в тюрьму, в числе свидетелей, показывавших против меня, был некто Дорджиев Лиджи. Он служил раньше в Монголии советником министра внутренних дел, с ромбом таким ходил... И вот привели меня из камеры (я еле шел от истощения, потому что только недавно был из тюремной больницы), а этот, приехавший из Монголии, — сытый, здоровый, покуривает — помню, как сейчас, у него был серебряный портсигар и папиросы «Казбек». Мне тяжело сидеть и курить хочется. Спрашиваю у своего следователя майора Елагина: «Гражданин следователь, можно у него попросить папироску?» Этот русский человек посмотрел на меня: «Ну пожалуйста, если... Я не возражаю».

Тот взял портсигар, защелкнул: «Таким, как ты, я не даю!»

Он-то смотрел на меня и думал, что я через неделю помру, потому что, действительно, у меня была дистрофия третьей степени и я еле поднимался на ноги...

И вот прошли годы. Вернулись домой. В пятьдесят восьмом году (Лиджи Очирович Инджиев тоже с нами тогда был) пригласили нас в Лолу выступать со стихами. Сошли мы с машины. И вижу, мне навстречу еле-еле идет, шатается, высохший, как спичка, человек и говорит:

— О-о, Дава! Хойр уул харьдго, хойр кун харьдг — две горы не встретятся, а два человека сойдутся! — и подает мне руку.

Я, взглядевшись, узнал его: это был Дорджиев Лиджи.

Я отнял руку и говорю:

— Таким, как ты, я руки не подаю. Ты сдохнешь через неделю, а я буду жить. Я не хочу от тебя заразиться. Помирай. Ты должен умереть!

Такие слова я сказал... У меня не хватило мудрости и мужества, какие нашлись у Эрдинева. Но не знаю, и как поступил бы Эрдинев в моем положении: это ведь было несколько иное положение — представьте мое состояние после лагерей и тюрем!

Я вспомнил об этом вот почему. Здесь говорили, что групповые амбиции надо отбросить, консолидироваться. Верно. Но это не означает, что должны обниматься и целоваться те, кто просидел в тюрьмах, с теми, кто их сажал. Нет. Это означает, что все — и те, и другие — должны работать, работать на перестройку и во имя перестройки!

Аксен Сусеев ссылался сейчас на выступление товарища Лигачева. Я тоже внимательно прочитал его, и мне стало страшно, потому что мы с вами тоже ведь привыкли кричать: «Мы, граждане Советского Союза, хозяева страны» и т. д. Но мы, хозяева, и не знали, что в марте 1985 года решалась наша с вами судьба — решалась в узком кругу, в Политбюро. А что, если бы даже один голос перевесил и избран был бы не Горбачев? Мы с вами теперь прекрасно знаем: не дай бог, пришел бы к власти другой — все пошло бы как прежде.

Поэтому партийная конференция войдет в историю как конференция, узаконившая и гласность, и демократию. Впредь и Политбюро нельзя так работать, как работало, когда келейно, скрытно решались судьбы государства и народа.

Вы обратили внимание: на конференции многие партийные функционеры выступали в основном с обидой на прессу. Выступал наш сосед Каланников из Волгоградского обкома. Не говорил, конечно, что, дескать, под нашим носом, с участием некоторых из нас генерал внутренних дел: воровал — помните, как по телевидению показывали?! Вот и сказал бы об этом товарищ волгоградский секретарь, а потом уж уточнил бы: а пресса, мол, не так осветила эти события, как следовало. Далее. Выступал по такому же поводу секретарь Ростовского обкома. Помните, как печать писала о ростовской мафии, о том, какой памятник был поставлен вору! Но — и этот не сказал, мы, мол, виноваты (а ведь еще как виноваты!). Я бы лично в таких случаях в обкомах менял подобных секретарей, ведь у них нет совести, чтобы самим уйти.

Выступал секретарь Московского горкома. Какая в Москве мафия-то была, торговая каста! Но и он повел себя на трибуне так же... Никому не запрещается критиковать. Но если ты критикуешь, то назови факты, а кстати признай и свою вину. Ведь нельзя же так делать: если где хорошо, то тут я поработал, а если плохо — то я тут не при чем... Коли, допустим, в Волгограде совершались преступления, о которых рассказывало телевидение, за это перед партией надо нести ответственность.

А рашидовщина, а кунаевщина, а что творила в Молдавии группа во главе с Бодюлом?!

И все-таки насколько наша сегодняшняя действительность лучше того гробового молчания, которое царило многие, многие годы! Ведь иные могут сказать (найдутся такие!) — смотрите, мол, раньше-то было спокойно, а сейчас — то события в Алма-Ате, то в Нагорном Карабахе... Все, что там происходит, конечно, плохо. Но это лучше, чем то молчание, которое было, ибо то молчание было при диктатуре застоя, при культе личности Сталина, когда целые народы загонялись в тюрьмы, в ссылки, а все кричали: «Хорошо! Хорошо!» Кричали и.. молчали. Я думаю, события, названные выше, — результат болезни, долгое время загоняемой внутрь, теперь болезнь проступает наружу, значит, ее уже можно лечить, а то ведь мы не имели возможности лечить, было так: либо «выздоровливай», то бишь унись молчать, либо помирай.

Я, извините меня, говорю несколько эмоционально о том, что меня волнует. Ведь и, как и Константин Эрендженов, отбывал «лечение» в «тех» краях — только в отличие от Константина Эрендженова, после фронтов Великой Отечественной войны. Это имеет значение...

Мы все приветствуем решения XIX партийной конференции. Ее решения — великие решения, это поистине великая конференция.

Я много езжу по заграничью и раньше ужасно было (я подчеркиваю — раньше) молча сидеть, а иногда и врать. Не о себе — о себе бы не стал врать, просто стыдно было за страну, поэтому, чтобы ее не унижить, приходилось врать...

А в прошлом году в Италии, в Китае мы уже говорили в открытую обо всем. И авторитет, престиж нашей страны только рос от этого. Мы были в доме приглашавшего нас священника Эуджика в Италии в момент подписания договора Рейганом и Горбачевым в Вашингтоне. У меня есть такая фотография: стоим, обняв друг друга, а между нами на экране Рейган и Горбачев подписывают договор. Это было очень символично: советские люди и итальянцы, Рейган и Горбачев сфотографировались в момент подписания договора! Это значит — мир выживет.

Мы еще не осознали полностью, не понимаем до конца роль Михаила Сергеевича Горбачева вот в этой части: он спас мир. До него мы катились в пропасть, на любые предложения отвечая: нет, нет, нет! И это «нет-нет-нет!», этот сплошной минус мог привести к взрыву!

Конечно, очень плохо, что в докладе на конференции наша республика прозвучала не так, как нам бы хотелось. Но это была правдивая оценка, в одной строчке сказано вся правда о Калмыкии. Я знаю, что и все другие области тоже узнали себя в докладе, хотя, может быть, и не были названы, — потому что на конференции звучала только правда.

Я думаю, что и нам с вами, товарищи писатели, надо тоже меняться и выступать не по бумажкам, написанным заранее, не кричать «ура!», «да здравствует!», а винкать в суть дела, искать первопричины любых явлений. И еще, мы привыкли брать от государства. С тенденцией «дай, дай, дай!» мы далеко не уйдем. Надо учиться отдавать, учиться жертвовать, даже головой, во имя великой цели.

Почему ленинцы побеждали? Потому что они голову клали за правду, за идею. А мы не только голову — если бы были у нас хвосты, и хвостов бы не положили за идею, потому что эти хвосты нужны были бы нам, чтобы ими вилать и держаться в начальственном кресле. Нам всем надо менять стиль нашей работы, отказаться от штампов, от стереотипов. Надо учиться брать на себя ответственность, не бояться говорить смело, учиться терпеть разные мнения. Пусть не все думают, как ты, — выскажись, докажи свою правоту. Смысл гласности и демократии — в плюрализме мнений, в их разности. А то у нас так: если кто-то скажет «нет», он становится кровным врагом и надо строчить на него анонимки (слава богу, сейчас хоть анонимки не рассматриваются!) или что-то подобное предпринять, чтобы ему, врагу, снести голову. Надо учиться терпимости, товарищи...

Писателям тоже надо отказываться от стереотипов. Писатель должен встречаться с людьми, должен говорить правду — не придуманную, а увиденную собственными глазами.

Мы много врали, но сейчас надо возвратиться на позицию нормальных людей, а не лгунов, и писать правду, только правду.

Я так же, как и все выступавшие здесь, считаю, что конференция приняла великие решения. И их выполнение зависит от нас — от всех и от каждого...

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Огромное впечатление произвела на меня XIX Всесоюзная конференция КПСС, широкая острая дискуссия, которая велась на ней по важнейшим проблемам жизни и деятельности нашего общества. Очень правильно сказал М. С. Горбачев в своей заключительной речи: «На конференции царил дух высокой требовательности, острой и принципиальной постановки вопросов и в то же время партийного товарищества, можно даже сказать, доброжелательства по отношению друг к другу». Конференция приняла важнейшие решения, которые являются определяющими для всего процесса перестройки.

Большие задачи стоят и перед тружениками Калмыкии. В докладе М. С. Горбачева наша республика была названа в числе других республик и областей, допустивших снижение производства. Чтобы ликвидировать отставание, подтянуться, нам надо проявить высокую сознательность, ответственность за свою работу, организованность. Так велит сама жизнь, этого требуют интересы страны и всех нас.

Без малого шестьдесят лет нахожусь я в рядах партии Ленина, помню все прошедшие за это время партийные конференции. Но XIX конференция КПСС значительно превосходит их по своему историческому значению. И я счастлив, что живу в это прекрасное время гласности и демократизации общества!

АКСЕН СУСЕЕВ,
член КПСС с 1929 года, народный
поэт Калмыкии.

ШИНРҮЛЛҮНЭ ХААЛҮАР

Мана орн-нутгт болжах ик чинртэ хүврлтст биди цунар ицж орлцжанавиди.

Сталин эврэннь эрк шиллһәри советск олт-эмтид эвртэ ик болн төрүц мартгдшго үүл һарһси мөн. Сталинэ эрк шиллһнэ жилмүдт Бериян һарар кесг сай күн хар гер рэр цаажлгдси, алгдси мөн.

Тер цаажлгдси улс дунд ик тоомсрта кесг улан командирмүд, гүн ухата номтр, өргн билгтэ шүлгчир болн бичэчир, артистир болн дуучир, партийн болн советск хөдлэчир, инженермүд болн хозийственикүд бээсинь ода олтд илэр келж зарлһна нилчэр эмти меджэнэ.

Ленинск политик эвдэд, эрк шиллһнэ һарһси йовдэмудыг би төрски эмтилһән хамдан харажанав.

Эрк шиллһнэ үндс таслһна төлө ноолдһнд эрүн седклэр цуг арһари орлцнав.

Дээнэ цагла мана келн-эмтиг күчэр нүүлһси догшин йовдл давтгдшгон төлэд, ээм-штгэ, зеткртэ цаг хэрү иршгон төлэд эрк шиллһнэ догшин закврла харһж хорси, зовли эдлси эмтид бумб тэвхми гисн седвэр йир чик гиж дөңижәнэв. Мадна эдлси зовлигин, мана келн-эмтиэ һашута өвдкүртэ тодлврин мөнк герч болж, иргч үйирт тер үүдөгдх бумб бээх зөвтэ.

Үнинг илднь келдг хөвтэ цаг ирв. Арсмч, эркич, ховч улсла, ондарулһна йовудт сгалтг болжах тоотла биди цуг арһари ноолдх зөвтэвиди. Эврэ жирһлән сээрүлхин төлэд урмдтаһар көдлж, дегрж йовх ондарулһна жислтин нүүрт йовх зөвтэвиди.

ЭРИЖЭНЭ КОНСТАНТИН,
Хальмг улсын шүлч

ТВОРЧЕСТВО ПРАВДЫ

В обширном творческом наследии М. С. Шагинян, прожившей долгую и плодотворную жизнь, мне особенно дороги страницы о В. И. Ленине и о калмыцком эпосе «Джангар». Мне бесконечно дорого все, что она сказала о моем народе.

Еще до войны, когда в периодической печати появилась публикация первоначального варианта романа-хроники о семье Ульяновых под заглавием «Билет по истории», мы читали его с неослабным вниманием. Все обратили внимание, что Маризтта Шагинян взялась за раскрытие глубочайшей темы — жизни Ленина, начиная от его рождения и описания всей семьи, подарившей человечеству гения. Каково было удивление калмыков — нет, удивление не то слово, — какова была наша огромная радость и гордость, когда при описании астраханского периода жизни семьи Ульяновых, то есть непосредственных предков Владимира Ильича по отцовской линии, встретилось упоминание о моем народе!

Понятно, с каким нетерпением все мы ждали появления книги о семье Ульяновых отдельным изданием. Однако она не появлялась, мы так и не дождались ее. Тут началась война, переселение, понятно, мы ничего не знали о судьбе писательницы и ее книге, лишь в глубине души лелея тайную мечту... И лишь потом, спустя много лет, через множество неслыханных бед, нам открылись печальные и тайные причины, послужившие препятствием для появления книги о Ленине. Об этом мы узнали только после XX съезда партии, после восстановления Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики, и эти причины оказались совершенно неожиданными. Причиной, как ни странно, были мы, было само упоминание имени калмыков в связи с биографией вождя всех угнетенных народов.

В годы ссылки, в годы лихолетья, у каждого из нас не только возрос интерес к Ленину, но именно тогда для каждого калмыка он стал — не на словах, не в высокопарных фразах, а в душе и сердце, — воистину светочем надежды и веры в то, что идеалы, провозглашенные им, неодолимы. Имя Сталина боялись упоминать вслух с обидой, да и не все еще понимали чудовищную роковую связь событий с его именем. Но даже не называя вещи своими именами, не смея не только выразить, но и признать себя самим себе, народ все-таки понимал, что тот, кто содейл с ним такое зло, — ничтожный временщик по сравнению с вечностью, с правдой Ленина.

Сразу после восстановления республики калмыцкие писатели включились в бурную жизнь, взяв на себя немало организаторских функций. Возрождая культуру, искусство и литературу, собирая буквально по крупицам утраченное, мы, естественно, тянулись к творениям своих современников, собратьев по перу, и первой среди них была М. С. Шагинян. Я не буду описывать всех подробностей встречи с нею в ноябре 1958 года — об этом достаточно рассказано в очерке Л. Инджиева «Белые хризантемы», десять лет назад опубликованном газетой «Советская Калмыкия», — а отмечу только то, что я сам переживал и передумал в результате этого визита. Разговор шел в основном об истории создания книги «Семья Ульяновых».

Говорят, книги, как и люди, имеют свои судьбы. Воистину так. Поразительно: самой тяжелой из многочисленных ее книг оказалась судьба книги о Ленине. Вскоре после публикации М. С. Шагинян вызвали к одному из ревностных служителей культа, печально знаменитому организатору травли писателей Анны Ахматовой и Михаила Зощенко — к А. А. Жданову. Даже через много лет не в силах унять свое волнение, известная своим бесстрашием, темпераментом и принципиальностью, писательница вспоминала:

— Только я вошла в его кабинет, он, не здороваясь, как выстрел, бросил мне в лицо:

— Это правда, что вы написали книгу о Ленине и нашли в нем калмыцкую кровь?

— Да, это правда, и у меня вот с собой документы...

(Отправляясь по совету Марии Ильиничны в Астрахань на сбор нужного для книги материала, уже закаленная в идеологических битвах писательница разыскала все первичные документы — старинные церковные записи о браках, рождениях и смертях, ревизские сказки и т. д. — сняла с них копии, а потом бережно хранила эти доказательства у себя дома, на дне вместительного сундука, на котором нередко спала).

Услышав мой ответ, Жданов весь напряжился, глаза налились кровью, и он резко сказал:

— А кому нужна эта ваша правда? Нам нужна только та правда, которая служит нам. А ваша вот кому полезна!

И он швырнул мне в лицо газету на немецком языке «Фолькишер Beobachter» со статьей, сообщавшей, что русская писательница доказала, что в жилах Ленина течет, наряду с русской, калмыцкая и шведско-норвежская кровь.

Прочитав получасовую лютацию, он отправил меня «думать». Это значило — обречал меня на долгие годы изгнания, затворничества и молчания. Оказавшись в запрете и нищете, я понемногу (начала «есть свою библиотеку», но с бесценными документами не расставалась...

Ленину чужды были какие бы то ни было националистические, шовинистические или расовые предрассудки. А те же фашистские нацисты, которые подняли шум вокруг книги Шагинян, ратуя за чистоту арийской нации, без угрызений совести душили в газовых камерах тысячи неповинных жертв всех национальностей, расстреливали евреев в Бабьем Яру.

Сейчас, когда в широкий читательский обиход вошли такие правдивые произведения, как записки Н. И. Бухарина о Ленине, и многое другое, нельзя лицемерно замалчивать истину. Тут уместно было бы напомнить цитату страстного русского демократа Герцена, приведенную в газете «Правда» 24 марта 1980 года: «Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросам в расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне слезными. Мы очень довольны, что в наших жилах есть финская и монгольская кровь: это ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как тоном оскорбительного презрения».

Говоря о предках Ленина, вообравших в себя многовековую культуру многих народов, мы ничуть не умаляем его непреходящего значения в жизни всех наций на Земле. Гений, на мой взгляд, рождается на стыке эпох, культур, народов. Вспомним, что и в жилах Пушкина текла от далеких предков «фриканская кровь», но это не мешало ему стать величайшим выразителем русского духа.

Писательница М. С. Шагинян, закончив еще до революции историко-философский факультет Высших женских курсов в Петербурге, отличалась демократичностью взглядов. Журналистская деятельность на юге России — в Ростове-на-Дону, Тифлисе и Баку, — тесное общение с народными массами сформировали ее интернациональные убеждения. Государственной премии СССР удостоен дневник «Путешествие по Советской Армении».

С подлинно марксистских позиций показывает она зарождение чувства дружбы и уважения ко всем малым угнетенным народам России в семье Ульяновых. Вспомните сцену, когда молодая чета путешествует пароходом по Волге. Илья Николаевич говорит о великой русской реке своей жене с чувством сыновней любви: «Как ее не любить, Маша, ведь я и родился, и вырос на ней, и круг жизни очерчен ею... Ты заметишь, сколько мы встретили разных народностей? Ведь и сейчас, в Кокушкине, у нас соседи татары, у нас в Астрахани — калмыки, я сам отчасти калмык, чувашки, киргизы, немцы, мордва, башкиры, болгары, кого только мы с тобой ни рассмотрели в дороге!»

В этом замечательном отрывке ключ к пониманию интернациональной сути образа В. И. Ленина. Кстати, еще первый вариант романа был одобрен близкими В. И. Лениным, бывшими в те годы в живых. — Надеждой Константиновной Крупской и Дмитрием Ильичом Ульяновым. «М. Шагинян не просто зафиксировала исторические факты о семье Ульяновых, а воплотила их в художественные образы. Тем не менее она не исказила исторических фактов. Перед читателем встают живые, исторически правдивые образы, книга вводит его в круг интересов и чаяний, какими жила семья Ульяновых», — писал в газете «Известия» Д. И. Ульянов.

Целиком присоединяюсь к этому мнению. Я держу живую связь с потомками

Дмитрия Ильича, которые находятся в добром здравии, живут в Москве. Все они хорошо осведомлены о предках Ленина и доброжелательны к памяти своей прабабушки Анны Алексеевны.

Считаю, что Мариэтта Шагинян совершила творческий подвиг, посвятив немало своих книг созданию Ленинианы. Она проявила и гражданское мужество, сохраняя историческую правду от искажения, а именно по такой правде в годы и культа, и застоя истосковалась душа народа. При жизни писательницы, к сожалению, не довелось увидеть новое издание книги «Семья Ульяновых» в первоначальном варианте, без «виннисекини» неугодных мест. Сейчас, когда наступило время гласности, я надеюсь, Союзом писателей СССР будут приняты необходимые меры, чтобы снять черную тень со светлых, правдивых и искренних страниц ее произведений.

Низкий поклон ее памяти!

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

ПРЕДКИ ЛЕНИНА

(Наброски к биографии)¹

(Астраханские документы.— Дед, Николай Васильевич Ульянов.— Дядя, Василий Николаевич Ульянов.— Отец, Пыля Николаевич Ульянов).

Почти в каждом из советских городов, хоть сколько-нибудь значительном, имеется отделение архива, и помещается оно чаще всего в здании какой-нибудь, приспособленной под него, старинной церкви. Сюда под высокие своды, в уютные уголки разных приделов и ниш, свозят из мокрых, заброшенных подвалов груды всяких дел и документов, начиная от метрических книг и кончая ведомственными журналами. Среди архивных работников есть энтузиасты не хуже любых советских энтузиастов других профессий. Они чувствуют себя и на положении пограничников (всегда у черты розыска истины, защиты и обороны этой истины от досужих фантазий и измышлений); и на положении летчиков, водолазов, геологов,— ныряя в моря и тучи бесконечного количества неведомого и неразобранного материала; и на положении изобретателей, готовых каждую минуту сделать самое неожиданное открытие. Спокойное и как будто далекое от жизни место превращается в наших условиях в боевой пост культуры.

За астраханским архивом очень большие заслуги. Разысканы: дом, в котором родился отец Ленина; метрическая запись, по которой установлена дата крещения Ильи Николаевича и фамилии его крестных отца и матери; книга «на записку мастеров», где перечислено множество профессий ремесленников, существовавших в 1834 году,² и где в списке «портные астраханские мещане» под № 3 значится: «Николай Васильевич Ульянов, внесший палогу «единовременно десять».

Разыскать дом было нелегко. Чтоб его найти, пришлось тщательно за много лет пересмотреть так называемые «ревизские сказки», периодические переписи населения по дому, с хозяевами, чадами и домочадцами, пока не нашелся среди них замечательный документ от 1835 года, сохранивший для нас даже собственноручную, очень крепкую и характерную подпись деда Ленина. Этот документ дополнила вторая ревизская сказка от 1850 года, когда деда Ленина уже не было в живых. К ним прибавились два приказа о «крепостной девке Александре Ульяновой», о которой неизвестно в точности, кем она доводилась деду Ленина. Разыскан семейный склеп Ульяновых на астраханском «духосошестввенском» кладбище.

Все перечисленное — лишь первые находки. Архив XVIII века почти не разобран, можно наверняка предсказать, что он даст в будущем немало открытий. Но найти документ — это еще полдела. Главное — суметь жизненно прочесть документ, выжать из его сухости теплый человеческий голос. Правильное чтение документа, рас-

¹ Печатается в сокращении.

² Вот некоторые из них: воскобельные (свечи); золотарные по дереву (киоты); дрожичные (дрожки); грибенные (гребни); чеканных дел, резных печатей и т. д.